

Ее непредсказуемость мешает создать стабильный образ. Все равно как ветреность одного любовника конфликтует с постоянством другого. Стереотипы обеспечивают покой. А она тормошит наши глаза, уши, мозг, сердце и сдирающую в засаде зависть.

— Ирина, когда творческая личность нацелена на поиск людей, которые могут поддержать, подтолкнуть, кажется, сама судьба посылает искомого. Можно ради карьеры идти по трупам, но можно, наверное, продвигаться с помощью взаимовыгодного сотрудничества. В вашей жизни наверняка было достаточно людей, желающих помочь. Что мешало? Их непомерные запросы? Ваш характер? Ведь начало карьеры обещало рождение суперзвезды...

— Характер. И стечение обстоятельств. Нежелание быть «под кем-то», не в прямом смысле, физически, а вообще. Я всегда хотела быть сама. Для меня ниже моего достоинства, чтобы кто-то меня протискивал. Хотя если бы у нас существовало узаконенное меценатство, то этого не надо было бы стесняться.

Сейчас кто-то кого-то берет под крыло. Просто люди, которые становятся спонсорами, покупают себе ореол благородства и приобщенности к миру звезд. А попутно «отмывают» деньги. Никто никому не нужен в этой жизни. Они берутся за искусство не из любви к нему, скорее из любви к себе. В этом нет ничего плохого, наверное. Раз разрешили, так почему нет. Но если бы подъем этого движения шел параллельно с подъемом качества музыки, исполнения, шоу-бизнеса, тогда было бы потрясающе. К сожалению, подчас спонсоров находят себе такие исполнители, которые, я считаю, не имеют права зайти даже за кулисы эстрады. Как правило, люди бесталанные нахальны, а талантливые — деликатны.

— Вы не устали пекся об искусстве, которого нет на нашей эстраде? всю жизнь вы бьетесь за качество, зачем это вам? Только ишишки набиваете. Может, полезнее позаботиться о себе?

— Не знаю... Я родилась такой. Может, не тогда и не там, но что я могу сделать? Если я думаю, о чем пою. Живу нутром, а не внешней жизнью. Для меня деньги не играют большой роли, хотя без них трудно. Я как-то слышала разговор музыкантов, и один сказал: «Не успокоюсь, пока не заработаю миллион». У меня никогда в жизни не было подобной установки. Не успокоюсь, пока не сделаю что-то! А будет за этим миллион или не будет... Хорошо, конечно, если будет, но если нет, я не умру.

— У вас было много предложений, приглашений в начале карьеры. Вас звали на Запад, чтобы сделать звездой?

— Да, звали, но для них это была прежде всего экзотика: во мне они не видели типично русских хамства, размеров, воспитания, поведения. Это их заинтересовало. Но временно. На постоянную жизнь туда и на карьеру звезды, скажем, Германии, Америки или Голландии меня никто не звал.

— А в Союзе вы встречали надежного человека, который хотел на вас заработать и дать заработать вам?

— Пожалуй, что нет. У нас люди настроены скорее хапнуть, неизвестно, что будет завтра. Сейчас, правда, и у нас, как на Западе, стали спрашивать, можно иметь дело с таким-то человеком или нельзя. Потому что в ход пошли очень большие деньги.

— Чем труднее человеку дается успех, тем более закаленным он становится, особенно когда знает, что никто ему не поможет, кроме него самого. Казалось, судьба опекала нас до определенного момента, а потом отпеклась на миг, отступила, и у вас не хватило сил, желания, умения толкать себя дальше самостоятельно.

— У меня этого умения нет и сегодня. Наверное, это мой недостаток. Но, с другой стороны, я никогда не переступила ни через одного человека. Я всегда была ближе к естеству. Вот идет-идет. А нет — значит, не суждено. Если бы судьба артиста зависела от того, каков он на сцене. Но существует еще жизнь.

— А была у вас мысль, допустим, выгодно выйти замуж? Чтобы муж стал продюсером-толкателем либо просто обеспечил материальное благополучие?

— Нет.

— Почему? Это так облегчило бы существование.

— Неприятно. Выгодное замужество — это, как правило, по уму, но по любви, а человек сердечный, живу сердцем, не головой. При всех моих несостоявшихся, может быть, подъемах в моей жизни есть вещи, за кото-

Ирина Понаровская:

«Это не заносчивость, а голубая кровь»

В этом году Ирина Понаровская отмечает двадцатилетие жизни на эстраде. Ей говорят: «За вами невозможно уследить. Опять вы на себя не похожи. Новая прическа, новый грим, новый костюм». А она как раз таки похожа на себя.

Фото В. Петербургского.

рые я благодарна, которыми живу. Я человек, умеющий и сегодня довольствоваться малыми радостями. Глядя своему маленькому ребенку в глаза, я могу сказать, что жизнь прожила честно. В этом мое удовлетворение!

— Вы в творчестве всегда были над публикой, отстранялись...

— Я не отстранялась от публики. Просто не знала, как ее захватить. Это очень трудный, чисто профессиональный момент, которому никто не учит. Сегодня я уже знаю, что могу «взять» любую публику. Я люблю своего зрителя.

— И хамы?

— Да. Я не люблю хамства, но хам на моем концерте перестает быть хамом. Выйдя от меня, он им останется, но в тот момент... У меня были примеры, когда хамы замолкали. На это мне понадобилось много лет. Чтобы просто понять, как правильно ходить по сцене. Зрительское хамство меня не волнует. Хамство закулисное убивает больше.

— Вы до сих пор кажетесь чужой на советской эстраде. Пришелец какой-то...

— Я женщина. Мужчине легче, потому что эстрада — это искусство, которое завладевает в основном женскими сердцами. Когда на сцену выходит мужчина, который к тому же хорош собой, умеет дать сексуальный заряд, это действует на нижнюю часть тела. И женщины устраивают визги. Певце сложнее. Особенно если она несет культуру. Лайма Вайкуле, как бы она популярна ни была, все-таки имеет успех не пугачевский, не «Ласкового мая» и не Миши Муромова. Хороший успех — не спокойный. Не ажиотажа.

— Многие обращают внимание на то, что вы часто меняете костюмы, прически. Это почему-то раздражает в вас и не раздражает у той же Вайкуле.

— Я бы не сказала, что Вайкуле часто меняет... Ее имидж постоянен. А у меня от смены костюма меняется стилистика пения, поведения, все ракурсы.

— Не переборщили ли вы с этими переменами?

— Может быть. Это тоже, видимо, моя ошибка. Одна из причин, что я не имею стабильности. До меня это дошло в последнее время. Но я не знаю, как с этим бороться. Это идет не от того, что хочу удивить зрителя и новым костюмом подчеркнуть: я еще вот как могу! Мне так интересно. Будто кто-то мной руководит свыше, причем не Петя, Вася, Коля, который мне со стороны скажет: давай попробуем, — я и пробую. Это идет от меня и откуда-то извне — непонятно, кто диктует.

— Некоторым кажется, что вы высокомерный человек.

— Никогда не болела звездной болезнью. У меня есть достоинство, которое люди путают с высокомерием. Я не позволяю малознакомому мужчине подойти, шлепнуть меня и сказать: «Ирка, привет». Потому что если так случится, то человек будет поставлен на свое место тут же, при всех.

— Полно ехидную реплику Аллы Пугачевой на теле-«огоньке» про вашу «голубую кровь».

— Существует ли вообще голубая кровь? Но если есть такое понятие, я рада, что ко мне оно применимо. Голубая кровь — это не заносчивость, не наплевательское отношение ко всему. На том телевизионном «огоньке» я в отличие от многих не напилась, не танцевала в общей массе какие-то русско-еврейские танцы. Потому что мне неудобно. Может, оттого, что я в «консерваториях воспитывалась». Родители у меня такие. Хотя выросла я в коммунальной квартире, а вовсе не на вилле с боннами... Азов воспитания у нас не знают. И именно поэтому пробиваются.

— Вы окончили консерваторию. Мама не упрекает вас: вот если б не бросила классику...

— Если б я не бросила классику, я бы преподавала в школе. Не думаю, что смогла бы выбиться в исполнитель-солисты. Я не Женя Кисин, не Стадлер, не Плетнев... У меня не было рвения, желания. Молодая была. Казалось, что эстрада — это легко, красиво, ярко. Ведь поначалу был праздник: везде ездил, все смотришь, города, гастроли, самостоятельная жизнь. Молодость гуляет в мозгах. Потом все серьезнее затягивало. Неправда, что ненавижу свою работу. Безумно трудно. Но люблю.

— Если заканчивать работу на эстраде, нужно на что-то жить, чтобы хватило на весь отпущенный судьбой срок. Можно найти иной способ заработать деньги, чтобы больше не петь?

— Конечно, можно, и я была бы кокетливо неправдива, если б сказала, что у меня нет таких мыслей. С эстрады лучше уходить на пике, пусть у меня этот пик не очень высокий, не Монблан, но какая-то своя вершина есть, и лучше уходить на пике, чем постепенно, медленно становиться никому не нужной. Правда, в стране такая неразбериха, что непонятно, чем заняться. Деньги можно сделать на ерунде. Но я не тот человек, который может делать дело без интереса, удовольствия.

— Какая-нибудь своя студия?

— Просто я широко не рекламирую это, но уже существует мой центр. Он еще в зачаточном состоянии, и я не тороплюсь. У меня есть и другие цели, помимо денег. Я не хочу уйти из жизни, не имею в виду — в могилу, а вообще, чтоб мое имя ушло и ничего благодного, доброго не оставило по себе.

— У вас до сих пор нет звания ни заслуженной, ни тем более народной...

— Я никогда к этому не стремилась. Дадут — спасибо. Не дадут — добиваться не буду. Так и умру — Ириной Понаровской.

Беседовала
Алла Перевалова.